

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1.

Что называется истиной, и зачемъ она нужна?

Когда безхарактерный, развращенный римлянинъ задавалъ Христу свой презрительно-насмѣшливый вопросъ: «Что есть истина?» — за плечами самодовольнаго скептика стояла, его устами говорила многовѣковая классическая культура. Старый, одряхлѣвшій міръ не вѣрилъ ни въ какую истину; онъ запутался въ безысходныхъ противорѣчійхъ. Этотъ міръ былъ такъ безнадѣженъ, что его представитель — Пилатъ — былъ признанъ недостойнымъ получить отвѣтъ на свой вопросъ: отвѣтъ все равно не былъ бы понятъ. Истина предназначалась не для того міра, который пережилъ самъ себя, — а для того, который еще только зарождался, за которымъ было будущее.

И не одинъ разъ повторялось это въ исторіи человѣчества. «Истина» была всегда тѣмъ знаменемъ, вокругъ котораго собирались представители новой, развивающейся жизни. Жизнь отживающая начинала съ того, что отрицала эту истину во имя своей старой, а кончала тѣмъ, что приходила къ отрицанію всякой истины. Вообще, исторія показываетъ, что есть тѣсная связь между силой, жизненностью, развитіемъ — и вѣрой въ истину, между слабостью, отживаніемъ, упадкомъ — и отсутствіемъ этой вѣры. Связь эта станетъ понятна, если выяснить, что вообще люди называютъ истиной.

Истина возникаетъ въ процессѣ дѣятельности познающаго ума. Познаніе — это борьба за истину. Въ борьбѣ этой челоѣчество тратитъ громадную, и все болѣе возрастающую массу усилій. Громадно и сопротивленіе, которое встрѣчаютъ эти усилія въ безконечномъ разнообразіи познаемаго міра при несовершенствѣ тѣхъ орудій, которыми располагаетъ въ своей дѣятельности познаніе.

Цѣль всякой борьбы — побѣда, а въ данномъ случаѣ это — обладаніе истиной. Какъ всякая побѣда, истина пріятна; она даетъ особое

наслаждение—умственное удовлетворение,—и потому человекъ стремится къ ней.

Тому особому виду удовольствія, который связанъ съ познаниемъ, соответствуетъ и особый видъ страданія. Это—чувство противорѣчія ¹⁾).

Вамъ говорятъ: «Дважды два—пять». Это сужденіе вызываетъ въ васъ чувство противорѣчія; вы говорите: «Это неправда», или иначе: «Это противорѣчить дѣйствительности». Сужденіе, которое противорѣчитъ дѣйствительности, не есть истина; оно—заблужденіе. Истина отличается отъ него тѣмъ, что не противорѣчитъ дѣйствительности. По внѣшней формѣ оба случая не представляютъ различій: передъ нами находится сужденіе, въ которомъ утверждается какая-нибудь связь различныхъ явленій, или отсутствіе такой связи. Заблужденіе никогда не заключаетъ въ себѣ открытаго, явнаго противорѣчія съ самимъ собой,—тогда это было бы не заблужденіе, а просто безмыслица. Если кто-нибудь говорить: «человекъ не есть человекъ», то приходится не спорить, а лѣзть. Въ заблужденіи противорѣчіе всегда находится въ болѣе или менѣе скрытой формѣ; это противорѣчіе съ дѣйствительностью, съ «природою»; и обнаруживается это лишь тогда, когда ложное сужденіе приходитъ въ связь, въ столкновеніе съ дѣйствительностью.

Но какъ это происходитъ? Какимъ путемъ раскрывается противорѣчіе сужденія съ дѣйствительностью или отсутствіе этого противорѣчія?

Человекъ вступаетъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, съ природой во всѣхъ разнообразныхъ процессахъ своей дѣятельности—познавательной, производственной, разрушительной и т. д... Сужденія, добытыя предыдущимъ познаниемъ, могутъ служить исходной точкой, ложиться въ основу дальнѣйшей дѣятельности, какого бы то ни было рода. Тогда-то и выясняется согласіе или противо-

¹⁾ Слѣдовательно, и въ вопросѣ о признаніи чего-либо за истину или заблужденіе, рѣшающій голосъ принадлежитъ *чувству*, какъ это бываетъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Вотъ почему возможны такіе факты, что одни люди отвергаютъ очевидность, которая вызываетъ въ нихъ чувство противорѣчія,—тогда какъ другіе съ полнымъ самодовольствомъ и увѣренностью въ своей непогрѣшимости высказываютъ почти одновременно совершенно противорѣчающія другъ другу сужденія.

Законы логики представляютъ изъ себя обобщенія тѣхъ случаевъ, когда процессъ мышленія сопровождается чувствомъ умственнаго удовлетворенія и не порождаетъ въ душѣ чувства противорѣчія. Но отвлеченные законы никогда не выражаютъ *вполнѣ* конкретности явленій. Вотъ почему и мышленіе людей *фактически* такъ часто уклоняется отъ законовъ логики.

рѣшіе сужденія съ дѣйствительностью, его ложность или правильность.

Если моя дѣятельность вполне логично вытекаетъ изъ ряда сужденій и, однако, приводитъ не къ тому, чего я ожидалъ—тогда въ числѣ сужденій есть по меньшей мѣрѣ одно ложное. Алхимикъ полагаетъ, что, во-1-хъ, открытое имъ вещество есть философскій камень и что, во-2-хъ, прикосновеніе философскаго камня превращаетъ желѣзо въ золото. Онъ примѣняетъ на дѣлѣ эти два сужденія, прикасается камнемъ къ желѣзу—но приходитъ къ противорѣчію: золота не получается. Одно изъ двухъ сужденій ложно, а, можетъ быть, конечно, и оба. Дѣйствительность опровергла воззрѣнія алхимика. Если бы онъ остался только при этихъ воззрѣніяхъ, не предпринималъ бы на ихъ основаніи никакой дѣятельности—ему невозможно было бы убѣдиться въ ихъ ложности, въ ихъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Только въ дѣятельности человѣческія сужденія становятся въ непосредственную связь съ дѣйствительной цѣнѣю, только въ дѣятельности обнаруживается ихъ дѣйствительная цѣна. Истиной люди всегда называли то, что въ дѣятельности не приводитъ къ противорѣчію.

Слово «дѣятельность» тутъ слѣдуетъ понимать въ самомъ широкомъ значеніи. Мнѣ говорятъ, что свѣтъ черенъ, а я *вижу*, что это неправда. Видѣть, слышать и т. д.—это также частные случаи дѣятельности (воспріятіе—дѣятельность сознанія).

Теперь понятно, изъ-за чего совершается познаніе, зачѣмъ нужна человѣчеству истина. Оно ея добивается, чтобы имѣть прочныя и надежныя основы для дѣятельности, т. е. въ концѣ концовъ—для борьбы съ природой. Истина—главное и лучшее орудіе въ этой борьбѣ.

Истина рождается въ дѣятельности познанія, и имѣетъ свою цѣлью дальнѣйшую дѣятельность, уже не только познавательную. Въ дѣятельности начало и конецъ, источникъ и внутренній смыслъ истины.

Вотъ почему страстное стремленіе къ истинѣ и глубокая вѣра въ нее такъ характерны для теченій молодыхъ, развивающихся, полныхъ силы: вѣдь сила есть то, что проявляется въ дѣятельности; для силы нужна истина. А на что она дряхлому безсилію, которому пужень покой, смерть?

Наше время полно силы и безсилія. Многое отживаетъ, многое зарождается. Кажется, никогда еще въ прошломъ не доходили до такой степени безвѣріе и презрѣніе къ истинѣ—съ одной стороны, глубокая вѣра въ нее—съ другой.

§ 2.

Понятіе и слово.

Истины имѣють психологическую форму сужденій. Сужденія складываются изъ понятій, понятія выражаются словами. Такимъ образомъ безъ понятій и словъ истина невозможна.

Понятіе есть обобщеніе цѣлаго ряда представленій, связанныхъ между собою нѣкоторымъ сходствомъ. Именно это сходство, то *общее*, что существуетъ въ представленіяхъ даннаго ряда, и составляетъ понятіе и обозначается словомъ. За словомъ «человѣкъ» скрывается понятіе о человѣкѣ, которое объединяетъ цѣлую массу находящихся въ сознаніи образовъ одного, другого, третьяго и т. д. лицъ, которыхъ когда-либо приходилось встрѣчать, видѣть, слышать...

Отдѣльныя представленія не остаются неизмѣнными въ одномъ и томъ же сознаніи, и никогда не могутъ быть вполне одинаковыми въ двухъ различныхъ сознаніяхъ. Цѣлая группа представленій, обобщаемая въ понятіяхъ, тѣмъ болѣе измѣнчивы въ жизни отдѣльнаго сознанія, и тѣмъ болѣе не одинаковы въ различныхъ сознаніяхъ. Положимъ, я составилъ себѣ понятіе «животнаго», не подозревая о существованіи такихъ организмовъ, какъ полипы, инфузоріи, амебы. Когда я знакомлюсь затѣмъ съ этими интересными представителями животнаго царства, сложившееся понятіе должно, очевидно, измѣниться, потому что къ прежнему ряду представленій, который лежитъ въ его основѣ, присоединилась цѣлая группа новыхъ, весьма своеобразныхъ. Терминъ «животное» получаетъ для меня иное значеніе, чѣмъ прежде. Точно такъ же понятіе о «человѣкѣ» никакъ не можетъ быть вполне тождественнымъ у анатома, которому всего больше приходится имѣть дѣло съ грубымъ строеніемъ человѣческаго тѣла, — у психолога, который занимается по преимуществу психической жизнью человѣка, — у чиновника, въ дѣятельности котораго человѣкъ выступаетъ главнымъ образомъ, какъ предметъ административнаго воздѣйствія.

Между тѣмъ и анатомъ, и психологъ, и чиновникъ употребляютъ одно и то же слово «человѣкъ». Измѣнчивое понятіе одѣвается въ оболочку слова — оболочку твердую, малоспособную измѣняться ¹⁾.

¹⁾ Конечно, и слово не есть нѣчто неизмѣнное: человѣческіе языки способны къ развитію; для сильно измѣнившихся понятій люди нерѣдко вводятъ въ употребленіе измѣненные слова. Но все же, сравнительно съ понятіемъ, слово обладаетъ неизмѣримо большимъ консерватизмомъ, оно измѣняется гораздо медленнѣе, и громадное большинство обычныхъ колебаній въ *значеніи* словъ не отзывается вовсе на ихъ *строеніи*. Дѣло доходитъ иногда до того, что слово приобретаетъ нѣсколько значеній, въ

Слово придает истинѣ прочность и дѣлаетъ ее общимъ достояніемъ людей. Слово — орудіе сохраненія и распространенія истины. Если два слова были такъ же измѣнчивы, какъ понятія, — люди почти совсѣмъ не понимали бы другъ друга, способность рѣчи была бы бесполезна. Но тотъ же консерватизмъ слова, который составляетъ такое важное достоинство, является и главнымъ его недостаткомъ. Измѣнчивость понятій рядомъ съ устойчивостью въ употребленіи словъ приводитъ къ тому, что люди никогда, въ сущности, не говорятъ на совершенно одномъ и томъ же языкѣ. Два представителя одной націи, одного племени, сословія, класса, даже два члена одной семьи никогда не придаютъ *вполнѣ* одинаковаго смысла однимъ и тѣмъ же словамъ. Это можно, наконецъ, сказать и объ отдѣльной личности, взятой въ различные періоды ея жизни.

Къ счастью, эти различія въ значеніи словъ имѣютъ свои предѣлы, и до извѣстной степени люди все-таки понимаютъ другъ друга. Какъ ни мало сходства представляетъ реальное содержаніе понятія «истины» въ головахъ эпикурейца и христіанина, тѣмъ не менѣе, когда тотъ и другой говорятъ объ истинѣ вообще, нельзя сказать, чтобы у нихъ рѣчь шла о двухъ совершенно различныхъ вещахъ. Степень взаимнаго пониманія людей, смотря по обстоятельствамъ, очень неодинакова; иногда она такъ низка, что людямъ не стоитъ и разговаривать между собой (пословица «сытый голодного не разумѣетъ»); иногда она такъ высока, что одинъ человекъ, не заканчивая самъ начатой работы мысли, со спокойнымъ сердцемъ предоставляетъ это другому.

Но именно въ царствѣ науки мы сталкиваемся едва-ли не съ наибольшей измѣнчивостью и разнообразіемъ понятій, скрывающихся за тождественными словами. Напр., понятіе «развитія» въ современной біологіи и въ современной соціологіи пока еще во многомъ не сходно; и если сравнить въ этомъ отношеніи современную біологію съ той же наукой 40-хъ 50-хъ годовъ, то окажется очень большая разница. Даже нынѣшніе виталисты говорятъ какъ-будто совсѣмъ на иномъ языкѣ, чѣмъ дарвинисты. Получается своего рода столпотвореніе вавилонское — работники одного дѣла не понимаютъ другъ друга, и нерѣдко мѣшаютъ другъ другу.

самой ничтожной степени связанныхъ между собой. Такъ слово «коса» означаетъ на русскомъ языкѣ и головное украшеніе, и нѣсколько похожее на него по формѣ орудіе, и такой же приблизительно формы небольшой полуостровъ. Подобныя слова—«омонимы»—представляютъ изъ себя уже крайность консерватизма, но въ сущности каждое слово есть до нѣкоторой степени омонимъ, такъ какъ въ различныхъ случаяхъ оно выражаетъ не вполнѣ одинаковыя понятія.

Конечно, есть для такого явления достаточныя причины: быстрый прогрессъ науки, содержаніе которой въ какіе-нибудь десятки лѣтъ радикально измѣняется; современное дробное раздѣленіе науки—крайняя спеціализація познанія; недостаточная взаимная связь въ дѣятельности отдѣльных работниковъ этой области. Однако, это ничуть не уменьшаетъ той путаницы и недоразумѣній, которая возникаетъ изъ нынѣшняго «смѣшенія языковъ» и загромождаетъ путь къ истинѣ. Является вопросъ, какими способами можно бороться съ этими затрудненіями?

Не всѣ понятія измѣнчивы въ равной степени; нѣкоторыя изъ нихъ установились въ головахъ людей гораздо прочнѣе другихъ и лишь въ очень слабой степени подвержены колебаніямъ. Это самыя надежныя понятія, они наименѣе способны поселять въ людяхъ взаимное непониманіе. Таковы прежде всего наиболѣе обыденныя понятія, съ которыми большинству людей всего чаще приходится имѣть дѣло. Слово «человѣкъ» ни въ какомъ случаѣ не можетъ вызвать серьезныхъ недоразумѣній, тогда какъ терминъ «животнорастеніе» можетъ пониматься очень различно.—Далѣе, если сравнивать болѣе общія понятія съ болѣе частными, то первыя оказываются вообще менѣе измѣнчивыми по своему содержанію. И это вполне естественно: общее понятіе охватываетъ болѣе широкій кругъ представленій, чѣмъ частное; поэтому, чтобы вызвать замѣтное измѣненіе понятія, въ первомъ случаѣ надо присоединять къ прежнимъ большее количество новыхъ представленій, чѣмъ во второмъ. Такимъ образомъ, понятіе живой природы устойчивѣе, чѣмъ понятіе животнаго царства.

Слѣдовательно, наибольшей прочностью и консерватизмомъ отличаются тѣ понятія, которыя одновременно обладаютъ и общимъ характеромъ по содержанію, и большимъ распространеніемъ въ обществѣ. Такихъ понятій не много.

Другія понятія сравнительно измѣнчивы. Чтобы придать имъ болѣе прочности и опредѣленности, ихъ надо какимъ-нибудь способомъ свести къ первымъ, тогда возможность недоразумѣній сильно уменьшается. Сведеніе понятій болѣе частныхъ и шаткихъ къ болѣе общимъ и постояннымъ называется опредѣленіемъ понятій.

Опредѣленіе понятій напоминаетъ собою опредѣленіе географическаго положенія мѣстъ съ помощью такъ называемыхъ постоянныхъ линій и поверхностей. Такая-то параллель широты представляетъ изъ себя вполне опредѣленную линію, но она проходитъ черезъ множество различныхъ мѣстъ; то же можно сказать и о ка-

ждомъ данномъ меридіанѣ; и если указана только высота мѣста надъ уровнемъ моря, то этимъ дана цѣлая поверхность, правда вполне опредѣленная, но очень обширная. А когда точно установлена и широта, и долгота, и высота точки, то ея положеніе опредѣлено вполне, относительно него не можетъ быть споровъ и недоумѣній. Съ понятіями поступаютъ приблизительно такъ же: болѣе колеблющіяся и частныя опредѣляются черезъ отнесеніе ихъ къ болѣе установившимся и общимъ. Положимъ, намъ приходится бесѣдовать о «философіи»; значеніе этого термина у различныхъ людей весьма различно, и вообще измѣнчиво; мы опредѣляють понятіе, — говорить, что философія — это наука о познаніи; такимъ образомъ, точно устанавливается связь даннаго понятія съ тремя другими: во-первыхъ, съ понятіемъ о наукѣ вообще, во-вторыхъ, — о познаніи, въ-третьихъ, объ опредѣленномъ отношеніи между тѣмъ и другимъ (о томъ отношеніи, которое выражается словами «познаніе *есть предметъ* науки»). Каждое изъ этихъ трехъ понятій гораздо постояннѣе понятія «философіи», возможность словесной путаницы въ значительной степени устраняется. Если даже я буду недоволенъ этимъ опредѣленіемъ, то все же я буду знать, о чемъ говорить, когда употребляють слово «философія»¹⁾).

Опредѣленіе понятій — драгоценное средство противъ ихъ смѣшенія и противъ взаимнаго непониманія людей. Орудіемъ опредѣленія служить все-таки слово, и притомъ даже наиболѣе постоянныя понятія обладаютъ нѣкоторой измѣнчивостью; поэтому цѣль достигается не вполне. Различія въ пониманіи словъ сводятся къ наименьшей величинѣ, но не устраняются безусловно. А сколько силъ было потрачено людьми въ прошломъ на безплодныя препирательства, порожденныя чисто словесными разногласіями! ²⁾

Мы прежде всего постараемся, чтобы у насъ не было недоразумѣній съ читателемъ. И пусть онъ не раздражается, если иногда ему будетъ казаться, что мы даемъ совершенно излишнія опредѣленія, что понятія и безъ того ясны... Немного скуки лучше, чѣмъ много путаницы.

¹⁾ Кстати сказать, съ приведеннымъ въ примѣръ опредѣленіемъ мы совершенно не согласны, какъ увидитъ читатель.

²⁾ До нашихъ дней иные „мыслители“ не отдѣлялись отъ слѣпой вѣры въ слова, и усердно обманываютъ себя и другихъ, играя различными значеніями словъ, сводя къ безсодержательнымъ, но громкимъ терминамъ полныя реальнаго содержанія факты жизни, объясняя нѣчто — ничѣмъ. Съ этими господами мы не разъ встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи.

§ 3.

Истина относительна.

Астрономическая теорія Птолемея, по которой земля неподвижно помѣщается въ центрѣ вселенной, оказалась ложною. Однако, въ теченіе многихъ вѣковъ она давала людямъ умственное удовлетвореніе и не приводило къ замѣтнымъ противорѣчіямъ, т. е. играла роль истины. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ сказать, что въ извѣстной намъ дѣйствительности очень многое происходитъ такъ, какъ будто бы ученіе Птолемея было совершенно правильно; и если истина есть то, что не противорѣчитъ дѣйствительности, то даже съ современной точки зрѣнія въ древней астрономической теоріи есть значительная доля истины.

Коперникъ впервые показалъ, что не все въ природѣ совершается согласно со старымъ ученіемъ, что въ дѣятельности познанія оно приводитъ къ нѣкоторымъ противорѣчіямъ. На мѣсто прежняго заблужденія онъ поставилъ свою новую истину, которая учить, что солнце, а не земля, неподвижно и занимаетъ центръ міра. Коперникъ перевернулъ старое ученіе, но сохранилъ многіе его элементы: порядокъ расположенія планетъ и звѣздъ, движеніе луны вокругъ земли и т. д. Этимъ онъ опять-таки показалъ, что и взгляды древнихъ астрономовъ были отчасти истинны.

Идея Коперника о неподвижности солнца вступила въ противорѣчіе съ дѣйствительностью во времена Исаака Ньютона. Теорія всемірнаго тяготѣнія требовала, чтобы солнце и планеты обращались вокругъ общаго центра тяжести—нѣкоторой математической точки, которая располагается только вблизи отъ центра солнца. Остатся при взглядахъ Коперника—значило бы превратить новыя данныя о движеніи планетъ въ хаосъ противорѣчій. Истина Коперника смѣнилась болѣе совершенною истиной Ньютона.

Но и для Ньютона, если не солнце, то солнечная система въ ея цѣломъ представлялась неподвигною среди звѣздъ. Измѣреніе звѣздныхъ движеній и звѣздныхъ разстояній разрушило эту часть «истины» Ньютона. Оказалось, что въ звѣздномъ пространствѣ млечнаго пути вся солнечная система въ цѣломъ перемѣщается по направленію, приблизительно, къ созвѣздію Геркулеса, со скоростью $1\frac{1}{2}$ — $3\frac{3}{4}$ миллиарда километровъ въ годъ.

Современная астрономическая теорія пока еще не приводитъ къ новымъ противорѣчіямъ. Но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы человечество остановилось на ней.

Совершенно аналогичныя явленія происходили и происходят во всѣхъ другихъ областяхъ познанія. Истина измѣняется. Исторія развитія человѣческаго ума есть непрерывный процессъ превращенія старой истины въ заблужденіе и возникновенія изъ нея новой истины. И всякую новую истину развитіе познанія рано или поздно сдѣлаетъ заблужденіемъ.

Почему это такъ? Потому что познаніе только отражаетъ дѣйствительность, а отраженіе никогда не можетъ *вполнѣ* соответствовать отражаемому. Но съ улучшеніемъ отражающаго аппарата самое отраженіе становится совершеннѣе, точнѣ воспроизводитъ дѣйствительность. Цѣной разрушенія старой истины покупается новая.

Безусловной, абсолютной истины никакое познаніе не можетъ дать. Истина познанія всегда относительна, т. е. ограничена, имѣетъ силу только въ предѣлахъ извѣстныхъ условій. Можетъ быть, это и грустно — но это несомнѣнно. Еслибы даже познавательная способность была идеально совершенною, еслибы человѣскій умъ самъ по себѣ былъ въ силахъ достигнуть полной, неизмѣнной истины — тогда не въ силахъ было бы выразить ее слово, съ его измѣнчивымъ, колеблющимся значеніемъ — несовершенное орудіе передачи мыслей.

Въ познаніи, если что и можетъ быть абсолютнымъ, такъ только отрицаніе абсолютнаго, если что можетъ быть постоянно, такъ только измѣнчивость. Старое значеніе необходимо смѣняется новымъ; и въ сущности жалѣть тутъ не о чемъ, если это послѣднее полнѣе, совершеннѣе стараго. Какъ мы видѣли, истина нужна для *дѣятельности*; а такъ какъ человѣческая дѣятельность во всякое данное время ограничена, то и ограниченная, т. е. относительная истина познанія можетъ быть вполнѣ достаточною для нея. Съ расширеніемъ дѣятельности прежняя истина становится недостаточной, и должна измѣниться.

За то и «заблужденіе» не представляетъ изъ себя безусловнаго отрицанія истины; слово это означаетъ, вообще говоря, неполную и потому неудовлетворительную истину. У каждой эпохи есть своя истина, достаточно для нея полная и удовлетворительная; но другая эпоха, съ большимъ развитіемъ человѣческой дѣятельности, должна стать выше, видѣть яснѣе и дальше.

Смѣна стараго новымъ въ области познанія происходитъ не такъ-то легко. Отжившія понятія умираютъ не сразу. Когда уже на каждомъ шагѣ чувствуется ихъ неправильность, ихъ противорѣчіе съ дѣйствительностью — они все еще продолжаютъ держаться въ созна-

ніи большинства людей. Различными способами, начиная от словесной защиты и кончая кострами инквизиціи, старыя заблужденія отстаиваютъ свое господство надъ умами противъ высшихъ идей, приходящихъ имъ на смѣну. Почему такъ бываетъ,—это мы постараемся выяснить потомъ; но такъ бывало всегда до сихъ поръ. Идеиная жизнь нашего времени представляетъ также борьбу старыхъ истинъ съ новыми.
